

КОРЕЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА XVII – XVIII ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Сайдазимова У.Т. Email: Saydazimova6107@scientifictext.ru

Сайдазимова Умида Турахановна - доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой,
кафедра корейской филологии,
Ташкентский государственный университет востоковедения,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация: в статье рассматривается корейская классическая проза XVII - XVIII веков, особенности ее становления и развития. Обосновано влияние на литературу трех религиозно-философских учений - конфуцианства, буддизма и даосизма. На примере «Повести о Хон Гилдоне» раскрываются особенности средневековой корейской сказки. Автор анализирует художественную систему романов Ким Манджун «Мисс. Странствия Са на юге» и «Облачный сон девяти». Составлена характеристика жанровых форм произведений Пак Ши Фон и роль писателя в формировании реалистического метода и штриховки действительности.

Ключевые слова: классическая проза, корейская литература, конфуцианство, буддизм, даосизм, рассказ, роман, становление, развитие.

KOREAN CLASSICAL PROSE OF THE XVII-XVIII CENTURIES, THE FEATURES OF ITS FORMATION AND DEVELOPMENT

Saydazimova U.T.

Saydazimova Umida Turahanovna - Doctor of Philology Science (DSc), Associate Professor, Head of Department,
DEPARTMENT OF KOREAN PHILOLOGY,
TASHKENT STATE UNIVERSITY OF ORIENTAL STUDIES,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: the article discusses Korean classical prose of the XVII-XVIII centuries, the features of its formation and development. Substantiates the influence on literature of three religious and philosophical teachings – Confucianism, Buddhism and Taosizm. On the example of the “Tale of Hon Gildon” reveals the peculiar features of the medieval Korean tale. Analyzes the artistic system of Kim Manjun’s novels “Ms. Sa’s wanderings in the South” and “Cloud Dream of Nine”. In this article is given the characteristic of genre forms of Park Chi Von’s works and the role of the writer in the formation of a realistic method of reality hatching.

Keywords: classical prose, Korean literature, Confucianism, Buddhism, Taosizm, story, roman, novel, formation, development.

УДК 821.531

Корейская классическая средневековая литература, в частности сюжетная проза, служит ярким образцом традиционного представления эстетического идеала народа в тесной взаимосвязи с его религиозными и нравственными ценностями, формирующими его внутренний мир и душевный посыл [1].

Литературный художественный текст доносит ценную информацию о проблемах общества, сквозь авторское видение и трактовку посредством раскрытия им внутреннего мира персонажа, его позиции по отношению к происходившим в обществе преобразованиям и переменам.

Для корейской классической литературы XVII–XVIII вв. характерны специфические особенности, предопределенные влиянием на нее таких религиозно-философских учений Дальнего Востока, как конфуцианство, даосизм и буддизм. Из них особую роль играло конфуцианство, которое, бесспорно, составляло идеологическую основу государственного управления в Корее. Главным постулатом конфуцианства было жизнеопределяющее стремление стать образованным [2. С. 50], реализация идеи «семья – государство», согласно которой подданные подчиняются правителю как в семье дети – отцу, соблюдение правил об управлении государством, о социальном поведении, о добросовестном труде на государственной службе.

Буддизм и даосизм в Корее в отличие от конфуцианства не приемлют мотивацию предназначенности человека. Напротив, буддизм отрицал стремление к мирским благам, а даосизм выступал против цивилизации и провозглашал обращение к природе, в которой видел полную гармонию. Следует особо подчеркнуть, что в классической корейской средневековой прозе все эти указанные верования в синтезе олицетворяли собой достаточно сложную систему религиозного синкретизма. Впоследствии под влиянием даосско-буддийского и конфуцианского мировосприятия сложились в корейской классической средневековой литературе прагматизм и интуитивность, что намного раздвинуло рамки в отображении в

ней действительности. Это было тем более важным, так как у истоков своего развития корейская литература опиралась на теоретическую мысль Китая. В последующем эти привнесенные элементы обогащались отечественными формами и средствами, основанными на легендах, обрядах, традициях и канонах. В результате этого наблюдается обратное явление – адаптация указанных трех религиозных верований к жизненно важным условиям корейского общества.

В XVII в. корейская литература в целом уже была подготовлена к выходу на более крупные формы, что обуславливалось уровнем проблем, выдвигавшихся перед ней самой действительностью.

Довольно серьезные перемены произошли в прозе: она открывала возможности отображения жизни человека во всем ее многообразии. Это и раскрытие связей окружающим миром, и описание его поведения в той или иной ситуации и обстановке, и его реакция на происходящие события либо поступки других людей, это и передача чувств, которые он испытывает, будучи в разных положениях, т.е. углубление в эмоциональный мир героя.

Появляются произведения в жанре повести, в которых человек уже не отображался на фоне определенного эпизода из его жизни. Пытаясь освободиться от ограниченных рамок воспроизведения действительности, литература вышла на новый виток отображения реального героя и реального мира в сложном многообразии действующих лиц и динамике событий, перемежающихся со сказочными мотивами.

Повесть возглавила распространение литературы «в народе», являясь наиболее популярным среди «низов» общества прозаическим жанром. Из всей прозы средневековья именно повесть доносила на родном языке в общедоступной форме идеи социальной гармонии, давала представления о том, что благодаря «правильному» поведению и «высокой внутренней природе» человек может в конечном итоге «подняться наверх», как бы он не был унижен в данный момент. Обычно представления о нормах поведения обуславливались конфуцианским пониманием плохого и хорошего. Традиционно такие идеи излагались в форме, приближенной к народной сказке – несправедливо осуждаемый и гонимый добродетельный герой испытывает тягости и страдания, но впоследствии каждый получает по заслугам: добрые вознаграждаются и добиваются немислимых высот, а злодеи оказываются наказанными и лишаются прежних благ. Следует подчеркнуть, что конечное деяние, благодаря которому герой получает признание, в большинстве повестей самовыражается через воинский подвиг, причем с врагами сражаются даже женщины.

В этот период формируется группа литературных памятников, достаточно большая по количеству входящих в нее произведений, разнообразных по тематике, вмещающихся в достаточно широкие хронологические рамки. В своей совокупности эти памятники определяют непротиворечивую и во многом единую национальную картину мира, т.е. художественный его образ. При этом характер корреляции этой модели с действительностью остается почти одним и тем же, независимо от того, рассматривается ли вся группа изучаемых памятников или отдельные от них. Поэтому вполне правомерно делать определенные обобщения на основании исследования конкретного памятника. К числу одних из них относится «Повесть о Хон Кильдоне» Хо Гюна. В ней наряду с проблемами существующих порядков затрагиваются и другие вопросы, в том числе общественные и социальные события эпохи, чаяния народа. Следует отметить, что появлению этой повести предшествовали крестьянские восстания в различных провинциях Кореи [3. С. 139].

Согласно сложившимся в средневековой Корее традициям, детей, рожденных от наложниц, относили к людям «второго сорта», которые были не только ущемлены в своих возможностях вхождения в состав элиты общества, но и лишались права занимать посты в государственных учреждениях. Именно эту важную для корейского общества проблему поднял Хо Гюн в своем произведении.

Повесть написана на *ханмуне*. Ее оригинальный текст со временем был утрачен, сохранились лишь его переводы на корейский язык. Безусловно, что многочисленные переписчики и рассказчики вносили в это произведение изменения соответственно своему художественному вкусу, степени своей образованности, складу мышления, взглядам на жизнь и отношению к жизненным реалиям. Распространенный ныне вариант повести скорее всего можно отнести к произведению, созданному по мотивам сочинения Хо Гюна [4. С. 18], хотя оно, бесспорно, не утратило своего своеобразия и оригинальности.

Повесть написана в форме жизнеописания (*чон*) юноши Хон Кильдона, необыкновенного человека с тяжелой судьбой, но достойно прошедшего суровые жизненные испытания благодаря своим личным качествам. Будучи сыном наложницы, Кильдон не хочет мириться с дискриминацией незаконнорожденных детей, уходит из семьи, становится разбойником, а затем даже создает свое собственное государство. Его цель – построение гармоничного общества на некоем острове Юльдо. Он проходит через многие тернии, что было продиктовано требованиями этого литературного жанра, и в конечном итоге создает утопическое царство справедливости. Это произведение представляет особый интерес, так как в нем подробно описан весь путь самосовершенствования, который проходит главный герой, идя к своему идеалу и справедливости через мир познания и расширение своего кругозора.

Главный герой – образ, характерный для литератур многих народов. Незаконнорожденный сын знатного чиновника, а значит, человек «второго сорта», лишенный многих прав, Хон Кильдон становится разбойником, «нарушителем общественных правил». Но он стал разбойником не для того, чтобы разбогатеть, а для того, чтобы помочь людям бедным, бесправным, терпящим всякого рода унижения от богатых и знатных. Такие герои, как Хон Кильдон – образец «благородного человека», защитник слабых и обездоленных, своеобразный корейский Робин Гуд, были у всех народов и во все времена. Если их не было, их придумывали, так как любой народ мечтает добиться справедливости. «Благородный разбойник» в рассказах многих народов играет роль справедливого судьи, который наказывает за ложь и обман, борется с произволом богачей. Хон Кильдон – это и бессмертный англичанин Робин Гуд, выросший на корейской почве, и итальянский Фра Дьяволо, подлинное имя которого было Микель Нецци, и Вильгельм Телль из Швейцарии, и герой Ф. Шиллера Карл Моор из драмы «Разбойники», и мн. др. Они и похожи, и непохожи, так как выросли в условиях разных традиций, но образ честного человека, ставшего разбойником, чтобы мстить угнетателям, издавна живет в народном фольклоре, откуда и перешел в литературу.

Жизненный путь героя, финал произведения определяются конфликтом, приведшим его на путь хоть и «благородного», но все же разбойника, нарушителя порядка. Если провести параллель между Хон Кильдоном и шиллеровским Карлом Моором, то выявим в драме Ф. Шиллера сильное индивидуалистическое начало, личностный конфликт героя с членами своей семьи и окружающими. В отличие от Карла Моора Хон Кильдон не испытывает враждебных чувств к своему отцу, к другим членам семьи. Здесь скорее социальный конфликт: Хон Кильдона не устраивают сложившиеся в обществе порядки, но он не испытывает чувства враждебности ни к отцу, ни к законнорожденному брату. Хон Кильдон нарушает сложившийся общественный порядок ради создания гармоничного общества, в котором царят справедливые порядки. При этом, если европейский герой переживает, что ему в своей борьбе приходится прибегать к беззаконию, то у Хон Кильдона таких угрызений совести не наблюдается. И это вполне объяснимо.

Для европейского общества характерно наличие одной официальной, основанной на христианстве, шкалы ценностей, одной мировоззренческой составляющей духовной жизни. В Корее сложилась совершенно иная ситуация. Здесь, как отмечалось, на протяжении веков сосуществовали на равных условиях три ведущих религиозно-философских учения – конфуцианство, даосизм и буддизм. Эти три разные мировоззренческие системы сосуществовали и в реальной жизни, и в литературных произведениях, обслуживая разные сферы деятельности, т.е. один и тот же человек, выполняя свои функции государственного чиновника, мог придерживаться конфуцианских правил в коллективе, а, оставаясь наедине сам с собой, мог обращаться к даосизму или буддизму.

Хон Кильдон, рожденный и воспитанный в аристократической семье, был обречен на бесправное положение в обществе только из-за того, что являлся сыном наложницы. Здесь Хо Гюн настолько правдиво и жизненно передал социально-семейную драму средневековой Кореи [5. С. 38–46], что явилось основанием для отдельных корейских литературоведов относить эту повесть к литературе критического реализма [6. С. 46].

Существенной чертой произведений XVII в. является то, что в них отчетливо прослеживается зависимость поступков действующих лиц от реальных условий их бытия. Чем отличается Хон Кильдон от всех тех, кто его окружает?! Он отличается от них только тем, что с помощью своих знаний получил возможность управлять сложившимися обстоятельствами. Здесь явно присутствует гиперболизация, естественно порожденная широко распространенной в тот период среди наиболее прогрессивно настроенных представителей правящего класса верой во всемогущество знаний. Однако даже чудодейственные качества, которыми наделен Хон Кильдон, не в состоянии трансформировать устоявшиеся условности и порядок, так как подчиняются тем же социальным законам, что и все люди. Уход Хон Кильдона из родительского дома и его вхождение в шайку разбойников, на наш взгляд, – это не проявление ничем необъяснимого рока, а следствие сложившихся отношений в обществе, устоявшихся догм и постулатов. Именно в этом таится причина того, почему Хон Кильдон не смог создать свое утопическое королевство в пределах Кореи: ему не под силу было изменить устои в своей стране даже с помощью сверхъестественных сил. Испытывающий на себе жестокость феодальных сословных предрассудков Кильдон принял решение покинуть родные края.

Таким образом, в повести фантастика, вплетенная в реалистическую канву произведения, оказывается подчиненной действительности. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод о том, как герой по гороскопу узнает свою дальнейшую судьбу. Между тем сам ход повествования явно свидетельствует о том, что не звезды и не планеты влияют на судьбу героя – они лишь подсказывают ему, как под влиянием окружающей обстановки сложится его судьба. Его судьба же определяется занимаемым им положением в обществе, правящими в нем феодальными порядками и сложившейся канонизированной системой.

Для корейской средневековой повести было характерно, что главный герой, как правило, либо человек низкого происхождения, либо из-за неблагоприятных жизненных обстоятельств оказывается без роду и племени. Хон Кильдон на протяжении развития сюжета повести подчеркивает этот факт несколько раз. Вполне вероятно, это можно считать одним из художественных приемов, унаследованных от народно-эпических образцов. Между тем, мы полагаем, что такая ситуация вызвана совершенно иными потребностями, чем у старинных рассказчиков *ихэсоль*. Возможно, такой повтор был специальным художественным приемом, обусловленным, по крайней мере, двумя причинами: во-первых, чтобы ярче запечатлеть в сознании читателя наиболее значимые, наиболее выразительные события из жизни, и, во-вторых, чтобы показать готовность героя к необыкновенному подвигу. В силу этих причин автор на протяжении всего повествования акцентировал внимание на «низком» происхождении героя, чтобы в конце повести, когда герой достигает заслуженной им награды и почестей, читатель ясно осознал, что благородство человека не определяется его первоначальным социальным положением. Такой прием не является достижением повести как жанра, так как в этом, скорее всего, скрывается определенная мировоззренческая установка автора произведения.

Анализ текста повести указывает на нарушение гармонии, что является основным условием развития сюжета. Развитие ситуации (деяния) мотивируется, прежде всего, нарушением гармонии между внутренней сущностью героя и некоей его внешней неполноценностью, в данном случае, неполноценностью положения в обществе, несмотря на то, что Хон Кильдон – сын высокопоставленного чиновника, во всех отношениях достойного человека, известного при дворе государя. С самого детства мальчик показывает свою незаурядность, но он – сын служанки – это уже нарушение гармонии. Далее все развитие сюжета направлено на решение основной задачи повествования – привести в соответствие внутренние достоинства героя и его внешний статус. Здесь единственный путь к этому – совершение (подвига) деяния. Деяния могут носить самый разный характер, и их количество в повествовании не ограничено – каждое деяние – это отдельный эпизод, отдельная новелла. Это деяние и как подвиг (героическое деяние), и как нравственное деяние, и как эпическое деяние. Действия Кильдона и его разбойников, когда они отнимают у богачей и чиновников нажитое нечестным путем богатство и раздают его бедным, можно расценить и как героическое, и как эпическое деяние.

Таким образом, Хон Кильдон заключает в себе два противоположных начала: явное – низкое положение и скрытое – высокую сущность. Непреодолимые социальные преграды в корейской средневековой жизни в повести снимаются не бунтом и борьбой, а переходом от одного статуса, которому его «скрытая», но обозначенная сущность не подходит, к другому, высокому, соответствующему его личным качествам.

Социальный конфликт здесь не осознан как противоречие социальных сил, это конфликт персональной сущности человека с его социальным положением. Поэтому и решается он чисто в личном плане – переменной персонального статуса героя. Здесь традиционная модель мира остается неизменной.

Хон Кильдон ставил перед собой очень важную для себя цель – достичь признания его высоких человеческих качеств на самом высоком уровне. Получив это признание, он оставляет свои разбойничьи дела и обещает государю покинуть страну. В данном случае «Повесть о Хон Кильдоне» является социально утопическим произведением, где контрастно противопоставлены основные общественные силы страны, протест народа и утопический выход из сложившихся противоречий, характерный для общественно-политической мысли эпохи средневековья. Хон Кильдон нарушает спокойствие грабежами богатых не ради своей наживы, а во имя установления справедливости, обретения народом свободы, создания гармоничного общества. Здесь рефреном через все произведение проходит идея свободолюбия и полной гармонии.

Согласно проведенному нами анализу, корейская средневековая повесть олицетворяет собой культурные представления корейцев той эпохи, диктуемые морально-этическими нормами конфуцианства об устройстве общества на справедливых началах. Ее лейтмотивом служит идея о достижении определенной гармонии в мире, миропорядке, обществе, соответствии природы человека его внешнему облику и статусу. Нарушение такой гармонии предопределяет развитие действия в повести, которое в конечном итоге обуславливает требуемое соответствие.

XVII столетие для корейской классической литературы характеризуется эпохой зарождения такого жанра, как роман. Как правило, корейские романы анонимны, написаны на корейском языке или ханмуне (корейизированном стиле китайского литературного языка *вэнь-янь*), наиболее известные из них имеют по несколько вариантов. Значительная часть произведений, особенно большого объема, продолжает бытовать в рукописях, а многие названия встречаются, главным образом, в библиографических работах и не упоминаются в исследованиях по корейской средневековой прозе.

Подобно тому, как повести помечались в названии знаком «чжон» (биография), романы, как правило, тоже имели свои знаки, заимствованные из высокой прозы. Это – *ки* и *нок* – «записи», «описания». Этими двумя знаками помечены названия подавляющего большинства романов. Другая часть названий не имеет никаких помет.

Первыми из созданных в Корее сюжетных произведений большого объема были романы Ким Манджуна «Скитания госпожи Са по югу» и «Облачный сон девяти».

Как отмечал в этой связи корейский исследователь Чо Донъиль, «произведения, созданные Ким Манджуном, стали новой вехой в истории литературы Кореи, привнеся с собой нечто новое, и сыграли важную роль в деле развития корейской литературы в целом» [7. С. 109]. Эти два романа Ким Манджуна, сумевшего озвучить остросоциальные проблемы своей эпохи, определили для классической корейской сюжетной прозы две основные проблемы: человек в социуме и отрицание общественной жизни. В соответствии с этим все корейские романы можно разделить на два больших типа: социальные и асоциальные (романы-сны).

Ким Манджун впервые в корейской литературе связал темы «несерьезной прозы» с кругом проблем, которыми обычно занималась «высокая» литература.

Образцом «семейного романа» могут служить «Скитания госпожи Са по югу», где показано, как неверное поведение хозяина дома приводит семью к гибели. Это произведение написано с позиций конфуцианского понимания роли правителя как главы семьи, которому вменяется в обязанность соблюдать существующие конфуцианские нормы и правила, обеспечивая тем самым мир и гармонию в стране. Красной нитью через все произведение проходит идея автора о том, что семейные и государственные дела связаны между собой, поскольку государство – это большая семья, а хаос в семье неминуемо влечет за собой беспорядки в государстве.

Все многочисленные персонажи романа, с точки зрения их поведения, соотносятся с несколькими типами людей, выделенными литературной традицией прошлого. «Характер» их всегда задан заранее и представлен как свойства личности, которыми она обладает от природы. Развитие действия в произведениях этого типа изображается как процесс, идущий от хаоса к установлению гармонии, при этом гармонию должно обеспечивать правильное социальное поведение героев. Эти особенности «социального романа» сближают его с простонародной повестью и далее восходят к истории, к такому ее разделу, как библиография, которая и стоит у истоков произведений художественной прозы, посвященных социальным проблемам.

В романе «Скитания госпожи Са по югу» писатель через историю женщины, которая была выдворена по решению государя из своего родного дома из-за клеветы наглой наложницы, выразил сомнение в справедливости такого решения. Как считает известный исследователь А.Ф. Троцевич, «первый корейский роман «Скитания госпожи Са по югу» есть не что иное, как иносказательное увещание, в котором верный подданный указывает своему государю на ошибочность принятых им решений» [8. С. 178].

Ким Манджун поднимает здесь проблему, решение которой необходимо в масштабах государства. Именно этим объясняется оправданный им прием раскрытия действий враждебных персонажей не как личных врагов добродетельных героев. Придерживаясь конфуцианских догм, касающихся установления гармонии во всем, писатель отображает добродетельных героев, стремящихся к образцовости, а не к поиску истинных нарушителей порядка в стране и не к борьбе с этими враждебными силами. Однако в том, что им поднята проблема противодействия двух полярных сил, уже видна позиция самого автора по отношению к реалиям государства. Однако, несмотря на смелость Ким Манджуна, хотя и в завуалированной форме, выразить тенденцию активного стремления к обществу, базирующемуся на справедливых и гуманных началах, его добродетельные герои не предпринимают шагов для борьбы с истинным врагом государства, а стремятся придерживаться должного поведения, что, по их понятиям, сможет обеспечить гармонию в государстве, семье, во всем, к чему соприкасается человек [8. С. 179]. В этом видна ошибочность позиции самого писателя во взглядах на выбор пути установления должного порядка в государстве и социальной активности человека. Рефреном через всю сюжетную канву романа проходит следующее убеждение автора: драматическую коллизию в семье решает нравственное становление согласно традиционным представлениям о семье как микрокосмосе и роли «старшего» как хранителя порядка и порядочного главы семейства.

Второй роман Ким Манджуна «Облачный сон девяти» – итог размышлений писателя над смыслом социальной действительности и над человеческой природой с ее постоянными страстями. Его героев, придерживающихся конфуцианских добродетелей, отличают просветительские взгляды на человеческую личность, на ее свободное мировоззрение, на демократизм в суждениях [9. С. 92].

Судьба Ян Со Ю – героя «Облачного сна девяти», одержимого жаждой мирской деятельности, – это жизнь самого Ким Манджуна, который приложил много усилий, пытаясь усовершенствовать общество, но не был понят и умер в изгнании. Ким Манджун не клеймит «мирскую грязь» и не разоблачает тех, кто с радостью «окунается в эту грязь». Напротив, земной мир, переданный им в романе, прекрасен и полон доступных соблазнов. Он не пытается излить негодование на его пороки, а выбирает путь чаньского буддизма, с точки зрения которого всякая мирская деятельность, полезная и вредоносная, одинаково бессмысленна и проходяща, как весенний сон. Поняв это, человек не станет ни осуждать, ни стремиться к ней, он просто окажется вне этой «земной суеты». Быть может, поэтому герой «Облачного сна девяти»

удачлив, делает блистательную карьеру и решает уйти от мира не потому, что страдает в забвении, не понятый, а в самый благополучный момент своей жизни.

На наш взгляд, изображение мирских успехов как мимолетного сна не просто литературный прием, а скорее свидетельство буддийского мировоззрения автора, осознавшего истинную ценность всех вожделений человека. В связи с этим «Облачный сон девяти» можно определить как знак просветления писателя: Ким Манджун познал сущность феноменального мира и поведал об этом в своем сочинении. Очевидно, в этом проявилась потребность творческой личности высказаться, описать свое понимание истины.

Можно предположить, что «Облачный сон девяти» в какой-то степени отражает и особую привязанность писателя к матери, госпоже Юн. В романе эта любовь трансформировалась в описание особо заботливого отношения героя Ян Со Ю к матери, госпоже Лю. Он постоянно думает о ней, а, став богатым и знатным, окружает ее роскошью и почитанием. В романе детально описаны торжественный переезд госпожи Лю из провинции в столицу, в дом сына, и богатые подарки, которые послали ей члены императорской семьи. И далее рассказано, что прожила госпожа Лю девяносто девять лет, была похоронена с почестями государыни, а скорбь Ян Со Ю была так велика, что он, в конце концов, оставил службу и поселился в уединенном дворце, утратив интерес к «мирским благам».

Главным мерилom своего жизненного кредo герой считал свободу и нравственные ценности человеческой личности. Это предопределялось тем, что поведение человека в средневековой Корее строго регламентировалось действиями по конфуцианским догмам, соблюдением их при отношениях с другими. Бесспорно, что для разрыва таких оков требовались мужество, сила воли и разума в попытке объективной оценки узаконенных конфуцианских отношений с точки зрения естественных человеческих прав и уважения к человеку за его индивидуальные качества и черты характера.

Все указанные тенденции, касающиеся ценностных ориентаций, четко прослеживаются в этом романе Ким Манджуна. Как известно, ценностные ориентации определяются культурой, которая характеризует человеческое измерение общественного сознания, поскольку пропущена через личность и ее внутренний мир.

Согласно А.Ф. Троцевич, в анализируемом романе можно выделить три культурных компонента [10. С. 47]. Первый обусловлен религиозными и философскими воззрениями самого автора (примером служит описание пути становления Будды). Второй, мифологический, компонент составляет основу построения сюжета и предопределяется мифом о таких важных субстанциях, как смерть и рождение солярного божества. Третий компонент представляет систему литературных ценностей, отображенную миром китайской классики. Все эти три компонента равноценно значимы и однозначны по своим функциям духовного развития человека. Их гармоничное сплетение позволило автору создать это художественное произведение, олицетворившее собой выдающееся литературное явление XVII – XVIII вв. В фантастической рамке романа писатель излагает все события, которые определяют основное содержание его творения. Сюжетную канву составляет история любовных отношений девяти героев романа, сначала изгнанных из обетованного мира святых на грешную землю, а затем вновь возвратившихся в праведный мир и понявших всю мимолетность мирской жизни.

Данный роман получил высокую оценку не только своих современников, но и представителей последующих поколений и эпох. Некоторые современники писателя особо подчеркивают превалирование буддийского начала в романе: жизнь человека – суета, все в мире превратно, непрочно, преходяще и не имеет цены, все – сон, грезы [9. С. 95]. Между тем, такая трактовка романа не была однозначной. Ее противники считали, что в романе главное – земная любовь.

Как известно, любое произведение начинается с его названия, определяющего завуалированную мысль автора. Здесь название романа несет двойной смысл. Первый, явный смысл связан с даосским пониманием *ку ун* – «девятые облака», т.е. высокая заоблачная даль, куда возносятся бессмертные. Отсюда и название романа – «Облачный сон девяти», вырисовывающее сюжетную канву. Между тем в *ку ун* можно предположить любовную интригу. «Облачный сон девяти» – многоплановое произведение со сложным сюжетом и своеобразной композицией. Анализ показывает, что уже в самом названии романа содержится намек на легенду о правителе древнего княжества Чу, который отправился на прогулку в окрестности столицы княжества. Утомившись, он прилег отдохнуть и заснул. Во сне ему явилась фея с гор, которая пришла разделить с ним ложе. Покидая его, она сказала, что будет являться к нему по утрам в виде раннего облака, а по вечерам – дождем. Впоследствии именно после этого романа в любом литературном произведении было достаточно только намека на «дождь» и «облако», чтобы читатель понял, что речь будет идти о любви.

Мотив жизнь-сон находит различное воспроизведение в прозе Китая и Кореи, однако независимо от этого лейтмотивом всех их созвучна мысль об истинных ценностях земной жизни, которая «как роса, как пузыри на воде, подобна сну, молнии и облакам» [8. С. 181].

Активность и свобода поведения, которыми так щедро наделены персонажи романа-сна «Облачный сон девяти», проявляются в мире феноменального и направлены на удовлетворение мирских страстей,

чувственных желаний, честолюбия, на завоевание для себя высокого и прочного положения в сообществе людей. Но само это сообщество, как и всякая земная жизнь, есть иллюзия, «сон весенней порой». Поэтому активность людей, так настойчиво добывающих иллюзорного благополучия, с точки зрения даосско-буддийского понимания ценности социального успеха, выглядит бессмысленно. Описание блистательного продвижения по службе, удивительных приключений и походов героев даны не для того, чтобы изобразить, насколько прекрасна земная жизнь, как это может показаться на первый взгляд, а, наоборот, чтобы продемонстрировать безумие людей, одержимых погоней за несбыточным. Как видно типаж героя, который активно стремится к поставленной цели, скорее всего вырос из буддийских представлений о роли самого человека в поисках пути постижения истины: каждый открывает в себе Будду сам.

Таким образом, структура произведений художественной прозы с центральной идеей жизни-сна становится тесно взаимосвязанной с буддийскими и даосскими представлениями.

Романы-сны едины с буддийской притчей характером центрального персонажа (человека иного мира) и круговым действием (возвращением в прежнее состояние). Даосская традиция, воплотившаяся в китайской новелле эпохи Тан, проявилась только в одном пункте: события сна и реальности происходят в разных пространствах. Итак, между романами-снами и буддийской притчей устанавливается четко обозначенная прямая преемственность.

В этом асоциальном романе «сны» о проблеме ценности социального успеха возвращаются к буддийской притче и рисуют жизнь, полную вожделий, как мимолетный сон, а идеального человека, как личность, свободную от социальных связей и вышедшую за пределы противоречий мира. Здесь отчетливо вырисовывается тенденция развития корейской сюжетной прозы в виде замкнутой составляющей, направленной в прошлое, к уже установившимся традиционным образцам, но дополненным чертами новых эпох.

В романе Ким Манджуна «Облачный сон девяти» отчетливо прослеживается тот протест против ханжеской конфуцианской морали, против искусственного духовного обеднения человеческой личности, который наметился в корейской прозе конца XVII – начала XVIII в. Ким Манджун впервые в корейской литературе связал темы «несерьезной прозы» с кругом проблем «высокой» литературы.

«Облачный сон девяти» отличается характерной мотивной структурой, которая обычно была присуща корейской прозе, созданной на *ханмуне*. Благодаря этому, события в романе взаимосвязаны с миром китайской классики – образцовыми героями, образцовыми событиями, образцовыми семейными отношениями, что в определенной степени подчеркивает наличие мифологической структуры.

Сюжет, предопределяющий путь к гармонии, построен по модели корейского мифа о смерти-рождении Солнца, составлявшего основу корейских преданий о государях-основателях, буддийских легенд и поздних сюжетных повествований. Циклическое время мифа, в котором жизнь и смерть постоянно сменяют друг друга, задавало действию особый «природный» ритм. В романе мифологический временной цикл оказался разорван, а часть этого цикла превратилась в сюжетную основу повествования, описывающего смену состояний социума: хаос – гармония и человека: омраченность – просветленность.

Писатель ввел в произведение героев, не отрекающихся от конфуцианских добродетелей, но уже с новыми взглядами на многие жизненно важные вопросы. Ким Манджун сумел добиться блистательного результата в освещении реальной действительности, пытаясь ответить на вопрос о смысле социальной активности человека и его поисках пути к обретению внутренней гармонии.

В воспроизведении реальной действительности в корейской классической литературе XVIII в. заметную роль сыграл Пак Чи Вон. Его художественное наследие не очень велико. В него вошли произведение «Неофициальные биографии из павильона Панчёнчак», широко известный «Китайский дневник», различные записки, стихи и т.д., в которых проявился талант писателя нового реалистического направления, обнажавшего истинную суть высшего сословия общества.

В его произведениях четко просматривается конфуцианская установка на назначение слова – пропагандировать правильные идеи, направлять на ценностные установки, но не развлекать. Со временем, внесшим свои коррективы, корейские писатели обратились к более занимательному сюжету. Пак Чи Вон не остался в стороне и продолжил это направление корейской традиционной литературы [8. С. 202]. Высокое мастерство писателя проявилось в правдивом отображении трагической для простого народа действительности. Особые свойства художественной характеристики рассказов писателя проявляются в органичном сочетании реалистического начала с сатирическим, усиливающим, обнажающим истинную суть героя, его непреложные ценности и мироощущения и неприятия несправедливости, фальши. Вполне понятно, что критика представителей ученого сословия вызвала неприятие писателя, что заставило его поселиться в далекой провинции.

Для писателя был создан вакуум, но даже такое ненавистное отношение высшего света не сломило Пак Чи Вона в его стремлении к объективной передаче реалий современного ему общества. Гнев верхушки был вполне понятен, так как писатель свое собрание неофициальных биографий строит на противопоставлении естественного человека, ведущего простую жизнь, представителям мира фальши,

т.е. людям не у дел, не обремененным никакими обязательствами перед обществом и ведущим праздный образ жизни. Здесь прослеживается откровенный вызов «естественного» «фальшивому».

У героев Пак Чи Вона естествен человек, который не стремится к карьере, не кичится достижениями, не требователен к еде и одежде, который довольствуется малым. Он занимается самой грязной работой и ему претят ценимые в мире людей фальши обильная еда, красивая одежда и высокая должность.

В такой трактовке смысла жизни видна связь с образом жизни даоса, который отвергает пороки и достижения цивилизации. Наша мысль подкрепляется частым сравнением писателя своих героев с мудрецами древности, удалившимися от суеты мирской. Подтверждением являются и приводимые писателем любимые героями сочинения Лаоцзы – первого философа даосизма и Чжуанцзы – даосского философа IV в. до н.э. Таким образом, наряду с реальным отображением действительности в неофициальных биографиях писателя прослеживается тенденция обращения к даосизму. Возможно, это предопределялось попытками писателя усилить сатирическое начало в стремлении правдиво отобразить порочную действительность.

Из неофициальных биографий особого внимания заслуживает «Рассказ о добродетельном Золотаре». Его основа почерпнута писателем из самой жизни. Именно в простом труженике Пак Чи Вон увидел «совершенного мужа», идеала, проявляющего истинную заботу о кормилице-земле и тесно связанного со своим народом, с его чаяниями и невзгодами. Поняв подлинную значимость для страны такого труженика, писатель обнажил пагубность социального неравенства, презрительное отношение ничего не умеющей знатной элиты к представителям низших слоев. Осознавая такой беспредел, обесценивающий истинную значимость простого труженика для развития общества и его процветания, писатель мастерски сочетает новеллистические элементы с обличительными сатирическими, что обнажает правдивое видение жизни со всеми ее пороками и трагизмом. В этом – высшее художественное достижение литературы периода XVII–VIII вв., в частности, ее представителя Пак Чи Вона.

Являясь мастером короткого сатирического рассказа, Пак Чи Вон отличался емкой характеристикой своих персонажей. Ограничиваясь контрастным показом отдельных их черт, писатель умело использовал детали, которые позволяли читателю четко представить образ и истинную его сущность. Например, в новелле «Сказание о янбане» писатель простым перечислением никчемных, но обязательных для аристократии правил поведения сумел не только воспроизвести яркий образ тунейдца-аристократа, но через него очень точно показать бездеятельность правящей верхушки, ее паразитизм и безудержное желание властвовать [11. С. 57].

Новаторство писателя состояло в его обличительной силе и сатирической остроте отображения реалий времени, в которое он жил. В его произведениях отображена галерея типов, характерных для эпохи разложения корейского феодализма. Разоблачительные тенденции его усиливаются также и тем, что в его новеллах вырисованы образы простых тружеников, которые даны в противопоставлении высшему сословию, образно названному писателем «огромной саранчой», пожирающей плоды труда хлебопашцев.

Следует отметить особую просветительскую направленность реализма в произведениях Пак Чи Вона, усиливающую их обличительный характер. Особенно это касается варварского обычая самоубийства вдов после смерти мужа, порицающегося писателем в его новелле «Предание о целомудренной женщине Пак из Хамьяна», «дружбы», основанной на лести и корысти, которой посвящена новелла «Сказание о барышниках», жестокости, лицемерия правящей верхушки, осуждаемых писателем в новелле «Брань тигра» [12. С. 415].

Просветительские взгляды писателя и его позиция в вопросе, какими должны быть государство и общество, особенно четко проявились в «Повести о Хо Сэне» [12. С. 58]. Несмотря на то, что эта повесть относится к утопическому произведению, в ней писатель дает смелую зарисовку будущего общества, уверенность в его справедливое начало и в торжество такой основы, как труд. Центральный образ воплощает в себе просветительские идеи писателя. Перед читателем предстает главный персонаж – Хо Сэн, интеллигентный человек, обладающий обширными познаниями, с широким кругозором и глубоким видением мира, чем в корне отличается от окружающей его среды ученых. Смелые мысли писателя о необходимости пересмотра многих установившихся законоположений, сочувствие к обездоленным крестьянам, которые вынужденно сплотились в отряды, чтобы с помощью оружия добывать себе пропитание, служат ярким свидетельством появления нового направления в литературе – реалистического. В этом произведении звучит надежда писателя на бесклассовое общество в будущем, на его главный стрезень – труд. Именно поэтому герой создает на необитаемом острове страну, где нет разделения на богатых и бедных. Писатель создал нетипичный для своего времени образ – человека будущего, воплотившего эстетические идеалы писателя. Таким образом, в этом произведении элементы реализма тесно переплетаются с элементами романтического начала. Здесь отчетливо прослеживается позиция писателя, твердо убежденного в том, что изображенное им утопическое государство будет создано в действительности.

Как показывает анализ «Повести о Хо Сэне», в ней нашли воплощение философские, общественные и политические взгляды Пак Чи Вона. В определенной степени с этих позиций можно смело сравнить ее с философскими трудами Вольтера. И для Вольтера, и для Пак Чи Вона главными являются мысли героя, его позиция по отношению к злободневным вопросам бытия. Пак Чи Вон довольно смело через образ своего героя обнажает пороки феодальной системы и бессилие отдельных ее передовых представителей в попытках что-то изменить. Между тем, следует подчеркнуть, что образ Хо Сэна в отличие от других в произведениях Пак Чи Вона не был типичным для Кореи того периода. В нем писатель воспроизвел типаж будущей эпохи, который сфокусировал в себе его эстетический общественный идеал.

Особого внимания заслуживает «Китайский дневник» писателя, явившийся итогом его работы в составе посольской миссии в Китай. В нем зафиксированы непосредственные впечатления Пак Чи Вона о Китае сквозь призму философских и этических взглядов самого писателя. Все увиденное в Китае пропущено через авторское понимание и соотнесено со своей страной. Здесь звучит откровенное неприятие писателем маньчжурской власти. Произведение, которое состоит из 21-й темы, пронизано антиманьжурским настроением. Писатель постоянно обращается к героическим эпизодам борьбы китайцев и корейцев с маньчжурскими завоевателями.

В «Дневнике» записи включены по дням и лунам. Писатель очень достоверно рисует картины неустроенного быта путешественника, описывает путь по безлюдной унылой местности, бездорожью, нагнетающими тоску и скуку. Корейское посольство отображено писателем как группа первопроходцев, не имеющих никакого опыта и знаний пути, посольских миссий. Между тем, когда сам писатель впервые отправился в Китай, он все записывал и тут же комментировал, причем делал это все в деталях и приводил малейшие подробности. Описания писателя полны юмора, очень красочны и достоверны. Например, он с тонким юмором описывает трудности, связанные с непогодой либо вызванные глупостью человека. Писатель сочным красочным языком передает комические ситуации, что придает произведению особое звучание.

Для «Дневника» характерны авторские ремарки, привносящие дополнительную информацию либо новые сведения, либо интересные факты о древних границах корейского государства, о некогда происходивших сражениях, о подвигах корейских воинов. В своих отступлениях писатель неукоснительно соблюдает обращение к цитатам из известных китайских источников.

Следует отметить, что все истории «Дневника» носят поучительно-назидательный характер и направлены на торжество добра над злом.

К одной из ключевых тем в творчестве Пак Чи Вона следует отнести обличение писателем социальной несправедливости, казнокрадства, злобы, ненависти, вражды, которыми было перенасыщено общество. В этом видны элементы нового в отображении действительности в корейской литературе XVIII в. Обнажая пороки общества, писатель противопоставляет им общечеловеческие непреложные ценности, составляющие истинную гармонию в мире. Универсализм художественного мастерства писателя с особой силой проявился в рассказе «Отповедь тигра», вошедшем в «Жэхейский дневник», который занимает центральное место в творчестве Пак Чи Вона. Благодаря многогранности охвата тем из различных наук, а также их сатирической направленности, «Дневник», в том числе и другие подобные издания, известны в китайской и корейской литературе под названием «чапки», т.е. записки, смешные заметки [3. С.191]. Рассказ «Отповедь тигра» отличается особой публицистической направленностью. В основе рассказа – отповедь тигра, адресованная людям. Определяющаяся линия сюжета – антагонизм двух противоположных миров – зверей тигров и людей, их противоречия и неприемлемость. Писатель в образе тигра олицетворяет носителя истины, стремившегося к праведной жизни, справедливости, ведущего свободный образ жизни. Здесь заметно обращение писателя к традиционным народным представлениям, согласно которым тигр способен людям приносить счастье, оберегать от горя и болезней. Пак Чи Вон наделяет зверя мировоззрением передовых людей общества, выступавших против жестокости, несправедливости, преднамеренно губительных действий коварных людей. Например, лекарь своими снадобьями губит жизнь многих людей, шаманы при помощи духов обманывают людей, нанося им огромный вред.

Усиление сатирического начала особенно проявляется при отображении образа высокопочитаемого ученого, прослывшего учтивым добропорядочным, а в действительности оказавшимся глубоко безнравственным и порочным. В утверждении тигра о том, что правда – одна, но много негодяев, нарушающих каноны жизни, звучит осуждение несоответствия проповедуемых этим ученым конфуцианских законов реальной сути социальной жизни. Автор через этот образ зло высмеивает конфуцианских ученых, губительную силу порочных людей, выгодно оттеняя преимущества тигров, которые не ищут выгоды, не алчны в своих желаниях и устремлениях, не раболепствуют и не двуличны в отличие от злых и коварных людей [8. С. 197].

В рассказе «Отповедь тигра» особенно контрастно проявился феномен Пак Чи Вона, как реалиста-сатирика. Разоблачая конфуцианскую мораль, писатель смело говорит о несостоятельности конфуцианских догм, их лживости и неприемлемости как основы общественного порядка государства.

Писатель преднамеренно обратился к аллегорической форме, которая позволила ему обнажить пороки представителей правящего класса и зависящей от него интеллигенции.

Все публикации Пак Чи Вона пронизаны сатирическими элементами, что было довольно смелым шагом для эпохи, в которую жил писатель, и свидетельствуют о его высоком мастерстве в правдивом отображении действительности, со всеми ее пороками и обостряемыми социальными конфликтами и проблемами. Новаторство Пак Чи Вона определяется обращением к темам повседневной жизни, отображаемым в художественном произведении на основе органичного единства реалистического метода с сатирическими элементами и развившим жанр короткого сатирического рассказа.

Бесспорен тот факт, что Пак Чи Вон является первопроходцем в корейской литературе XVIII в. в создании такого жанра, как короткий сатирический рассказ. Будучи реалистом, он отобразил в своих произведениях дух своей эпохи и ее особенности, а также, что не менее важно – заложил основы критического реализма, который в органичном сочетании с сатирическим началом способствовал зарождению тенденции к индивидуализации и конкретизации героя.

Анализ корейской классической литературы XVII–XVIII вв. показал следующее. Ее развитие сопровождалось постепенными качественными изменениями не только в области идей и их концептов, но и в воспроизведении действительности, ее главных носителей – человека и природы, в совершенствовании изобразительных приемов, формировании новых жанров и усложнении сюжетных линий.

Список литературы / References

1. *Анисимов С.* Духовные ценности, производство и потребление. М.: Мысль, 1998.
2. *Восточная новелла.* М., 1963.
3. *Ким В.Н., Сайдазимова У.Т., Пак И.Л.* Литература страны изучаемого языка (Корея) / Уч. пос. Ташкент, 2009. 224 с.
4. *Хо Гюн.* Хон Кильдон чон. Сеул, 2004.
5. *Хо Гюн.* Повесть о Хон Киль Доне, рассказанная в двух главах // *Корейские повести.* М., 1954.
6. *Ким Мин Хёк.* Критический реализм // *Чхонён мунхак,* 1956. № 5.
7. *Чо Донъиль.* Сосорый сахвеса пигёрон (Сравнительный анализ прозаических произведений). Сеул, 2001. 175 с.
8. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). Спб.: Изд-во СПбУ, 2004.
9. *Корейская литература (с древнейших времен до 50-х годов XX века)* / Сост. Сайдазимова У., Чой Со Ёнг, Хван Л, Шакирова Н., Ким Е., Ким Т. Уч. пос. Ташкент, 2015. 208 с.
10. *Троцевич А.Ф.* Изучение корейской литературы в России // *Вестник корейского центра.* Вып. 3. М., 1998.
11. *Пак Чи Вон* (псевдоним Ёнам). Избранное. Сеул, 1956.
12. *Пак Чи Вон.* Жэхэйский дневник. Сеул, 1955.